

Падар Юлия Андреевна

**КАТЕГОРИЯ АДРЕСАТНОСТИ В УКРАИНСКОЙ МЕМУАРИСТИКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА
(АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

В статье рассматривается взаимосвязь категорий адресатности и аксиологичности в украинских мемуаристических текстах начала XX в. Доказано, что автокоммуникативное пространство мемуаров специфицирует формирование оценок внеречевой действительности в личных дневниках, литературных дневниках и воспоминаниях, а так же обуславливает стиль ведения дневниковых записей, мемуарных текстов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/4-2/41.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (46): в 2-х ч. Ч. II. С. 148-150. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.161.2'42

Филологические науки

В статье рассматривается взаимосвязь категорий адресатности и аксиологичности в украинских мемуаристических текстах начала XX в. Доказано, что автокоммуникативное пространство мемуаров специфицирует формирование оценок внеречевой действительности в личных дневниках, литературных дневниках и воспоминаниях, а так же обуславливает стиль ведения дневниковых записей, мемуарных текстов.

Ключевые слова и фразы: автор; адресатность; автокоммуникация; аксиологичность; дневники; воспоминания; язык украинской мемуаристики начала XX века.

Падар Юлия Андреевна

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина

Juliapadar1@j.ua

КАТЕГОРИЯ АДРЕСАТНОСТИ В УКРАИНСКОЙ МЕМУАРИСТИКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА (АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)[©]

Современная тенденция к рассмотрению текста как продукта сложного взаимодействия автора и реципиента, читателя, где последний выступает активным интерпретатором, участником процесса когниции, обуславливает исследовательский интерес к категории адресатности.

В зависимости от конкретного лингвистического направления адресат рассматривается: как «гипотетический читатель» (Т. Радзиевская), который сознательно разделяется автором на «своего» и «вообще» [7, с. 36]; как «параметризованная» (Н. Арутюнова) личность, которая в процессе общения, восприятия и интерпретации информации выявляет «одну из своих социальных функций» [1, с. 357]; как «предполагаемый читатель» (В. Демьянков), носитель определенных признаков, индивидуальных и социальных, ориентация на которые зависит от «культуры интерпретации» [4, с. 376]. При этом «декодирование» информации адресатом осуществляется «не только в ракурсе собственно сообщения, но и в семантическом пространстве дискурса» [3, с. 60].

Специфику репрезентации адресата в мемуарных текстах в своих работах рассматривают Т. Радзиевская, Т. Милевская, Ю. Лотман, О. Филиппова и др.

Начало XX века в Украине характеризуется повышенным интересом к мемуаристике: активизацией деятельности по систематизации, обработке и публикации ранее написанных текстов, а также созданию новых. Она воспринимается как важный источник исторической, социально-политической, культурной, биографической информации, рассмотренной через призму индивидуальных оценок автора. При этом, очевидный субъективный характер мемуарных текстов трактуется исследователями как положительный аспект, а не недостаток.

Актуальность статьи состоит в попытке установить взаимосвязь, взаимозависимость категорий адресатности и аксиологичности в текстах украинской мемуаристики XX в.

Объект исследования – категория адресата в украинской мемуаристике начала XX века. Предметом исследования стали аксиологические смыслы, обусловленные спецификой функционирования адресата в мемуарных текстах, и способы их вербальной репрезентации.

Основой исследования стали дневники и воспоминания В. Винниченко и Е. Чикаленко, которые рассматриваются нами как наиболее типичные образцы мемуарной прозы, представляющие разные способы взаимодействия автора и адресата и, соответственно, разные способы оценки тех или иных явлений действительности.

Особенность репрезентации адресата в мемуарных текстах состоит в формировании особого коммуникативного пространства, где адресат фактически отождествляется с автором текста, «моделируется как *alter ego* или конфидент» [8, с. 225]. Передача информации осуществляется в рамках системы «Я – Я» (Ю. Лотман), детерминируя автокоммуникативный характер мемуарного текста. Адресат выступает как «субъект оценки» (Е. Падучева), поскольку в системе «Я – Я» изменению подлежит не носитель информации, а само сообщение: оно «переформатируется и приобретает новые смыслы» [5, с. 165]. Возникающий в тексте диалог между реальным автором и его мемуарным *alter ego* не может быть нейтральным, беспристрастным, «все уровни языка работают для выражения оценки» [10, с. 422].

Специфическая жанровая неоднородность мемуаристики детерминирует разграничение типов автокоммуникации: лингвистическая автокоммуникация мемуаров противопоставляется психологической автокоммуникации личных дневников. Их дифференциацию обеспечивает наличие «эксплицитного второго “Я” – “Я” комментатора, которое в мемуарах создает реальный диалог» [6, с. 184], а в дневниках, возникшая в процессе перечитывания, «лишь провоцирует на какие-либо действия (автоцензура, купюры, уничтожение), но не появляется в тексте... в виде собеседника» [Там же]. Благодаря «полифоничному» восприятию описываемого автором повествователем и автором-комментатором в мемуарах образуется особое аксиологическое пространство, где время рассказчика (прошлое) вступает во взаимодействие, подвергается трансформации под влиянием времени комментатора (настоящее). Время мемуаров – «перцептивное» (З. Тураева), или эмотивное, то есть, в отличие от времени реального, характеризуется «многомерностью». Непосредственное описание событий осуществляется

с точки зрения автора-повествователя, а их оценка, расстановка на индивидуальной аксиологической шкале – с позиции автора-комментатора с учетом его опыта, изменившихся «индивидуальных и социальных признаков» [4, с. 376] (психологических характеристик, предпочтений, взглядов и т.п.).

Дневники, которые, согласно своей прагматической установке, делятся на личные (не предназначены для чтения) и литературные (ориентированы на дальнейшую публикацию), могут репрезентировать оба типа автокоммуникации. Жанровая специфика дневников детерминирует стиль их ведения и, соответственно, характер оценок в них. Согласно классификации Т. Радзиевской, стили ведения дневника делятся на топикальный и дескриптивный. Для первого стиля характерна лаконичность, краткость изложения, он, по нашим наблюдениям, актуализируется в личных дневниках, где фиксация информации важнее ее вербальной репрезентации; для второго – подробное описание событий, он связан с «привлекательностью для субъекта возможности письменного изложения определенного интенционального содержания» [8, с. 229]. Для дескриптивного дневникового стиля характерно внимание не только к информативной, но и персуазивной составляющей текста, реализации «коммуникативной ценности информации» [Там же]. Дескриптивный стиль более индивидуален и дает возможность составить мнение о личности автора, его предпочтениях и вкусах.

Приведенные классификации типов автокоммуникации и связанных с ними стилей ведения дневников и воспоминаний мы применяем к текстам украинской мемуаристики начала XX века, устанавливая причинно-следственные связи между «мерой присутствия» адресата и способом репрезентации авторской оценки вне речевой действительности в мемуаристике.

Специфика репрезентации оценки в украинских дневниках начала XX века связана с отсутствием в них адресата, необходимостью влиять на потенциального реципиента. Записи личных дневников представляют собой «речь, обращенную к самому себе» [9, с. 156], внутреннюю, или эгоцентричную речь, которая, по Л. Выготскому, характеризуется фрагментарностью, редуцированностью, предикативностью, реферативностью (Т. Радзиевская), что, в свою очередь, диктует нейтральный, безоценочный характер повествования. Нейтрализации оценочных смыслов способствует и тенденция автокоммуникативных текстов к редукции, усечению фиксированной информации, которая в украинских дневниках начала XX века выражается в использовании сокращений имен собственных, номинации предметов без уточнения, конкретизации, а также максимальной лаконичности записей: «Муха і К. М. живуть яюсь безпорядочно» [2, с. 31] / «Муха и К. М. живут как-то беспорядочно»: речь в дневнике украинского писателя В. Винниченко идет о семье Дмитрия и Катерины Антоновичей (Муха – партийный псевдоним общественного и политического деятеля Д. Антоновича, сына историка В. Антоновича; К. М. – инициалы его жены, художницы Катерины Михайловны Антонович).

Топикальный стиль интимных дневников, кроме того, характеризуется тезисностью, отрывочностью, отсутствием логических связей между отдельными выражениями. Благодаря этим свойствам запись под одним числом в дневнике воспринимается как конгломерат разрозненных сообщений: записок писателя, политических заметок, бытовых наблюдений и т.п., цель которых – в фиксации информации для возможного дальнейшего использования при написании художественных или публицистических текстов, а не в ее оценке. Так, например, под одним числом автор помещает пейзажную зарисовку, выражение, которое, очевидно, ему понравилось или которое он придумал, а так же описание женского типа: «Далечінь – туманно-фіолетова. Деякі вікна так блищать від сонця на заході, що, здається, в кімнаті того будинку пожежа... Одинадцята заповідь: Не зівай... Жінка, яку нічим не можна здивувати...» [Там же]. / «Даль – туманно-фиолетовая. Некоторые окна так блестят от солнца на западе, что, кажется, в комнате того дома пожар... Одиннадцатая заповедь: Не зевай... Женщина, которую ничем не удивишь...».

Литературные дневники, которые пишутся в расчете на дальнейшую публикацию, демонстрируют другой тип автокоммуникации: в безадресном пространстве дневника появляется «гипотетический читатель». Дескриптивный стиль ведения литературных дневников более индивидуален, он, с одной стороны, соответствует установке свободного выражения собственных мыслей, соображений, наблюдений, оценок и т.п., а с другой, – «характеризуется особой прагматикой» [9, с. 164]. Например, в «Дневнике» украинского культурного деятеля начала XX века Е. Чикаленко информативность записей сочетается с индивидуально-авторской ироничной манерой повествования, которая выражается в использовании широкого спектра вербальных средств выражения эмоционального состояния говорящего, его отношения к описываемым событиям (экспрессивы, междометия, оценочная лексика и т.п.): «...статура Тараса Григоровича на проекті Шіортина являю з себе поета, що пообідав, випив добре і розлігся з цигаркою в руці на кріслі. Але проект Шервуда ще гірший: просто якийсь клубок з людських фігур у розрізі могили; є там і голі русалки, і суворі гайдамаки, і пахар з... сохою: все це герої Тарасових віршів, а на могилі лежить сам Тарас, дуже мізерний і непомітний» [12, с. 330]. / «...фигура Тараса Григорьевича на проекте Шиортина представляет поэта, который пообедал, хорошо выпил и разлегся с сигареткой в руке на кресле. Но проект Шервуда еще хуже: просто какой-то клубок из человеческих фигур в разрезе могилы; есть там и голые русалки, и суровые гайдамаки, и пахарь с... сохой: все они герои стихов Тараса, а на могиле лежит сам Тарас, ничтожный и незаметный».

Дескриптивный стиль изложения сближает литературные дневники с воспоминаниями, где диалог между «Я» повествователя (адресанта) и «Я» комментатора (адресата) наиболее очевиден. Адресат выступает не как пассивный реципиент, но активный интерпретатор оценочных суждений повествователя. Мемуары позволяют продемонстрировать оценки определенных явлений, предметов и т.п. в развитии. Так, в «Воспоминаниях» Е. Чикаленко прослеживается динамика изменения взглядов издателя на деятельность украинского писателя В. Винниченко от позитивной оценки в прошлом: «Я взяв рукопис і тут же, не встаючи, прочитав

те оповідання з великим інтересом...» [11, с. 325] / «Я взял рукопись и тут же, не вставая, прочитал этот рассказ с большим интересом...» (речь идет о рассказе «Красота и сила») до негативной оценки в настоящем: «Пізніше, коли Винниченко звернув з свого первісного шляху і замість художнього малювання справжнього життя, до чого він має від природи великий хист, став публіцистом в белетристичній формі, я дуже жалкував...» [Там же, с. 330] / «Позднее, когда Винниченко свернул с первоначального пути и вместо художественного изображения, к чему у него большой талант, стал публицистом в беллетристической форме, я очень сожалел...», которая вербализируется с помощью контекстуального противопоставления лексем «художник», «художественный» (позитивная семантика) и «публицист», «публицистический» (негативная семантика).

Таким образом, отождествление автора и адресата мемуарного текста, результатом которого является формирование особого автокоммуникативного пространства, существенно влияет и на способ оценивания автором явлений внеречевой действительности. Так, безадресный характер личных дневников способствует формированию в них особого топикального стиля изложения, который характеризуется лаконичностью, тезисностью, реферативностью и, как следствие, преимущественно безоценочностью. Литературные дневники демонстрируют другой тип автокоммуникации: в тексте появляется «гипотетический читатель», «внутренний собеседник». Необходимость влияния на него обуславливает «индивидуализацию» стиля дневниковых записей, использования широкого спектра вербальных средств выражения эмоционального состояния автора, его отношения к описываемым явлениям: оценочная лексика, экспрессивы, междометия и т.п. В воспоминаниях же образуется реальный диалог повествователя и комментатора, что позволяет автору продемонстрировать оценку того или иного явления в динамике.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1981. Т. 40. № 4. С. 356-367.
2. Винниченко В. Щоденник (1911-1920). Едмонтон – Нью-Йорк: Канадський інститут українських студій, 1980. 499 с.
3. Громова Н. С. Креолизация текстов печатных СМИ как способ манипуляции адресатом // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38). Ч. 1. С. 59-63.
4. Демьянков В. З. Образ адресата // Культура русской речи: Энциклопедический словарь – справочник. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 376-377.
5. Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 159-165.
6. Милевская Т. Е. Мемуары и их место среди фактуальных жанров // Rossica Olomucensia. 2005. № 44. Ч. 1. С. 181-185.
7. Милевская Т. Е. «Так потихоньку, день за днем, раскрутим нить воспоминаний...» (автор и читатель мемуаров) // Русский язык в центре Европы. 2009. Вып. 12. С. 32-36.
8. Радзівська Т. В. Некоторые наблюдения над функционально-семантическими и стилистическими особенностями дневников // Стил. 2005. № 3. С. 221-233.
9. Радзівська Т. В. Текст як засіб комунікації. К.: Інститут української мови НАНУ, 1993. 194 с.
10. Филиппова О. А. Автор как субъект оценки: характеристики (на материале воспоминаний В. М. Ходасевича) // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 422-424.
11. Чикаленко Є. Х. Спогади (1861-1907). Нью-Йорк: УВАН у США, 1995. 504 с.
12. Чикаленко Є. Х. Щоденник (1907-1917). Киев: Темпора, 2011. 480 с.

ADDRESSEE CATEGORY IN THE UKRAINIAN MEMOIRISTICS OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (AXIOLOGICAL ASPECT)

Padar Yuliya Andreevna

Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine

Juliapadar1@i.ua

The article is devoted to the consideration of intercommunity of addressee and axiological nature categories in the Ukrainian memoirs of the beginning of the XX century. It is proved that the autocommunicative space of memoirs specifies the formation of non-speech reality estimations in intimate diaries, literary diaries and memoirs, as well as conditions the style of diaries, and memoirs texts.

Key words and phrases: author; addressee; autocommunication; axiological nature; diaries; memoirs; the Ukrainian memoiristics of the beginning of XX century.